

„ИСТОРИЯ НА БЪЛГАРИЯ“. ТОМ ПЪРВИСофия, 1954, 557 стр.¹

Советская общественность с интересом и вниманием встретила выход в свет первого тома „Истории Болгарии“, созданной коллективом болгарских историков. Этот фундаментальный труд как бы подводит итог многочисленным конкретным исследованиям и в то же время является убедительным свидетельством овладения болгарскими учеными марксистско-ленинской методологией.

Истории феодализма посвящены два больших раздела рецензируемого труда: „Ранний феодализм“ (раздел II) и „Болгария в период развития феодализма“ (раздел III). В хронологическом отношении они охватывают значительный отрезок времени — от зарождения феодальных отношений в славяно-болгарском государстве на Балканах до распада болгарского государства непосредственно перед турецким завоеванием. Круг проблем, которые авторам тома надлежало поставить и разрешить, естественно, был весьма широк. Отсутствие источников по некоторым периодам истории Болгарии, недостаток археологического материала, наконец, необходимость преодоления многих традиционных представлений, давно укоренившихся в старой буржуазной историографии, — все это делало работу авторского коллектива весьма сложной и ответственной.

Рассмотрим содержание рецензируемых частей книги каждой в отдельности.

Раздел „Ранний феодализм“ обнимает историю страны от первого появления славян на ее территории до X в. Он обладает рядом несомненных достоинств. Удачно написан подраздел о социальных отношениях у антов и склавинов, тщательно аргументированы положения относительно черт военной демократии, ярко выраженных в общественном строе антов и склавинов, наличия у них рабства патриархального типа (стр. 50—51). Авторы поступили правильно, подчеркнув на материале топонимики этническую близость восточных и южных славян („русско-болгарское племенное единство“) (стр. 56). В качестве одного из основных положений этой части работы справедливо выдвигается принятый марксистской историографией тезис о возрождении общинных отношений на Балканах в результате славянской иммиграции, причем авторы не обходят и вопрос о судьбах дославянского населения. Касаясь пребывания славян на Балканах, авторы отмечают не только успехи, достигнутые славянами в военном деле (это давно известно благодаря свидетельствам византийских авторов), но и — в земледелии (на основании результатов недавних раскопок) (стр. 61).

Закономерен интерес, проявляемый в книге к первым государственным образованиям у славян. Хотя характеристика такого образования, как союз Семи племен (стр. 64—65), слишком кратка, все же следует согласиться с мнением, что именно этот союз положил начало существованию государства у южных славян. Правда, утверждение о том, что славяне вступили в федеративные отношения с протоболгарами, нуждается в дополнительной аргументации. Как известно, в науке существует другая точка зрения, согласно которой объединение обоих народов произошло в рамках централизованного государства (Вс. Николаев). Впрочем, этот вопрос при современном состоянии наших знаний целесообразнее было бы оставить открытым.

¹ В настоящей рецензии рассматриваются разделы книги, посвященные истории феодальной эпохи (стр. 48—241).

Авторы обстоятельно раскрывают причины объединения славян и протоболгар в единое государство. Следует, однако, заметить, что ссылка на одинаковый уровень развития как основную причину объединения тех и других вряд ли может служить в качестве решающего объяснения: славяне находились на более высокой ступени развития, чем протоболгары¹. Родо-племенную знать обоих народов толкнуло на объединение прежде всего наличие общего врага — Византии.

Убедительно показаны причины внутренней борьбы между двумя группировками господствующего класса в славяно-болгарском государстве в VIII в. При рассмотрении деятельности Крума справедливо отмечено, что его войны служили целям укрепления классового господства славянской и болгарской знати.

Правильны выводы авторов о том, что первоначально феодальная рента имела форму дани, которой славяне облагали покоренные народности, что внеэкономическое принуждение в IX—X вв. применялось очень редко, что в системе эксплуатации преобладало экономическое принуждение, основанное на заинтересованности крестьянина в хозяйственной помощи сильного соседа. Ради получения этой помощи он и был вынужден переходить к обработке чужой земли (стр. 81). Нельзя не согласиться и с оценкой, данной в разделе законодательству Крума (стр. 84).

Авторы справедливо подчеркивают уже отмечавшийся в исторической литературе² факт отсутствия антиславянской направленности в политике Омуртага (стр. 91) и считают, что роль славян в государстве все время возрастала. Этим объясняется та легкость, с которой присоединились к Болгарии македонские славяне, число которых в этот период было еще весьма значительным³.

Составители книги уделяют внимание и истории производственных отношений в Болгарии. Так, в работе показано, что, несмотря на еще сравнительно мягкие формы крестьянской зависимости, в X в. уже имеет место явное нарастание классовых противоречий, о чем свидетельствуют, например, бегство болгар из государства Симеона, попытка отложения, предпринятая племенем тимочан (стр. 96).

Весьма удачно написан раздел о принятии христианства в Болгарии. Авторы верно указывают на то, что ни славянская, ни болгарская языческие религии не могли послужить классу феодалов в качестве идеологического орудия укрепления его господства (стр. 101).

Новые и интересные данные сообщаются в главе о предпосылках создания болгарской письменности (стр. 108—109). Бесспорной удачей следует считать изложение самой истории создания этой письменности. Хорошо аргументированы выводы о прогрессивном характере глубоко демократической по своему духу деятельности Кирилла и Мефодия, сыгравшей большую роль в развитии народной культуры (стр. 114—116). В этой связи следует отметить, что одним из наиболее содержательных мест книги является раздел о литературе и зодчестве X в. (стр. 121). Авторы с полным основанием приходят к выводу о важной роли, которую Болгария играла в развитии европейской культуры (стр. 126).

Насыщенный большим фактическим материалом, раздел о раннем феодализме — это, несомненно, удачная часть рецензируемой книги, и,

¹ См. „История Болгарии“. М., 1954, стр. 58.

² Ив. Дуйчев. Славяне и първоболгари, ИИБИ. София, кн. 1—2, 1951, стр. 210.

³ См. Р. А. Наследова. Город Фессалоника и македонские славяне. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954, стр. 7.

высказывая ниже ряд критических замечаний, мы должны сразу же оговориться, что эти замечания не могут умалить достоинств раздела в целом.

Прежде всего необходимо отметить, что авторы несколько „форсируют“ темпы развития феодализма в Болгарии. Конечно, у славян VII в. уже имело место социальное расслоение, шел процесс классовообразования и т. д., но было бы неверно изображать дело так, будто в это время уже вполне сложился, наряду с крестьянством, класс крупных землевладельцев. А ведь именно в столь решительных выражениях авторы изображают общественное развитие Болгарии в указанный период (стр. 62). В книге говорится о наличии крестьянства, потерявшего свою землю, но, к сожалению, не ставится вопрос о причинах его обезземеливания.

При всем внимании к вопросам экономики и производственных отношений, авторы подчас упускают из виду документальные материалы, обращение к которым помогло бы полнее решить эти проблемы. Например, ими не привлечен „Закон судный людем“ — важный источник для характеристики социальных и политических отношений в Болгарии этого периода. Анализ этого источника позволил бы авторам, с одной стороны, сделать выводы о значении экономического закабаления в процессе формирования отношений феодальной зависимости („мъзъдник“ и должник в ст. 19 и 20 Закона), а, с другой стороны, — о наличии еще в этот период в болгарской деревне широких масс „свободников“.

Раскрывая процесс развития феодальных отношений, авторы упускают из виду роль общины как определенного экономического единства и как организации сопротивления крестьянства. Ведь формированию крупной земельной собственности должно было предшествовать возникновение аллода, после чего появление крупного землевладения, по словам Ф. Энгельса, „стало лишь вопросом времени“¹. Между тем в книге выдвигается тезис, с которым трудно согласиться: по мысли авторов, частная собственность на землю становится господствующей формой собственности уже в первой половине VII в. (стр. 62). Однако Земледельческий закон свидетельствует о том, что в это время в производственных отношениях балканской деревни господствует именно общинная собственность². Если бы авторы „Истории Болгарии“ сопоставили данные Земледельческого закона и „Закона судного людем“, они получили бы в свое распоряжение вполне убедительные доводы для того, чтобы показать успехи в развитии частной собственности именно к IX в.

Рост крупного землевладения, естественно, становился угрозой для центральной власти. К тому же и сопротивление старой родо-племенной знати еще не было сломлено репрессиями Бориса. В свете этих фактов нуждается в пересмотре, на наш взгляд, тезис о том, что хан в VIII в. обладал всей полнотой власти (стр. 96—97). В том же разделе о государственном устройстве хотелось бы видеть указание на то, что структура болгарского государства („лагерь“ хана, неразвитость аппарата для сбора налога, самостоятельность князей в отдельных областях) отражала незавершенность процесса феодализации в Болгарии.

Как уже было отмечено, при освещении вопроса о принятии христианства в Болгарии авторы приходят в основном к убедительным выводам. Жаль, однако, что не показано различие побуждений, которыми руководствова-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 121—122.

лись бояре и народные массы, противодействуя введению христианства: в то время, как бояре боролись против христианства, цепляясь за племенные привилегии, народные массы оказывали сопротивление утверждению новой религии, видя в ней орудие своего угнетения и связывая с язычеством представления о старых общинных порядках.

При анализе феодальных усобиц, начавшихся в правление Петра и ослабивших Первое царство, было бы вполне уместно указать, что причину их следует искать в обострении социальных противоречий. Свидетельством этого служат и военные поражения Болгарии в это время, в которых нельзя не видеть проявления своего рода „кризиса“ болгарского войска, комплектовавшегося в известной мере за счет крестьянского ополчения.

Наконец, следует отметить определенные недостатки в расположении фактического материала по разделам. Так, X век отнесен в книге к периоду раннего феодализма, между тем, по собственным утверждениям авторов, феодальные отношения уже складываются в Болгарии к X в., который характеризуется в работе как „период мощи болгарского государства“. Это дает нам основание полагать, что периодизацию рассматриваемой в данном разделе книги эпохи следует изменить: период раннего феодализма правильнее заканчивать принятием Болгарией христианства, а X век должен быть отнесен ко времени развитого феодализма.

Переходим к разделу книги, названному „Болгария в период развития феодализма“. Он интересен уже самим кругом вопросов, которые здесь рассматриваются: от состояния экономики X в. до развития культуры накануне турецкого завоевания.

В начале раздела внимание привлекает содержательный анализ происхождения и социальной сущности богомилства. Это „еретическое“ движение подвергнуто в книге всестороннему исследованию: автор не обходит вопроса о богомилских требованиях возврата к старине, но, вместе с тем, показывает активный, антифеодальный характер ереси, ее массовость и близость программы богомилов к чаяниям широких слоев народа. Непонятно лишь, каким образом аскетизм богомилов можно, как это сделано в книге, относить одновременно и к положительным (со ссылкой на Энгельса на стр. 135) и к отрицательным сторонам движения.

В разделе дан правильный анализ состояния болгарской экономики в середине XI в. (стр. 154—155). Восстание Петра Деляна получило развернутую характеристику, причем справедливо подчеркнуто, что в нем приняли участие, кроме болгар, также и греки, албанцы и представители других народностей (стр. 156—157). Важность этого указания тем более велика, что в свое время, как известно, восстание Петра Деляна, а равно и другие народные движения этого периода (стр. 159—161) рассматривались весьма односторонне: в них видели лишь борьбу болгар с византийцами. Достоинством этого раздела является также и то, что в событиях 1040—1041 гг. четко выделены причины поражения восстания, в том числе такое существенное обстоятельство, как отсутствие связи между отдельными областями страны.

Вопросы классовой борьбы вообще занимают большое место в данном разделе книги. В этом мы убедимся, обратившись к страницам, посвященным восстанию Ивайла. Это видно и из тщательности, с которой авторы рассматривают такие сравнительно мало исследованные социальные движения, как восстание 1066 г. Изложен также процесс вождя богомилов врача Василия (1112 г.), несправедливо обойденный во многих наших

изданиях¹. Это событие поставлено авторами в прямую связь с усилением классовой борьбы в конце XI—начале XII в. (стр. 161—162).

В исторической литературе упускали иногда из виду факт разрушительного влияния крестовых походов на крупные болгарские города: авторы рецензируемой работы исправляют эту ошибку.

Говоря об освобождении Болгарии в 1185—1187 гг., авторы справедливо указывают на две силы, принявшие участие в событиях: на боярство, возглавившее борьбу, и народ, который был решающей силой движения (стр. 163). В книге высказано весьма важное положение о том, что в начале восстания весь народ поднялся с энтузиазмом на освободительную борьбу (стр. 173—174). Но, как нам кажется, авторы недооценили значения этого тезиса и не сделали из него всех нужных выводов.

Для последующих глав особенно характерно стремление проследить, какое влияние окажет на судьбы Второго царства как объективный процесс феодального развития, так и роль боярства в политической жизни страны. В этой связи следует отметить, что в книге нашли верное освещение и мятеж боярина Иванко, и отложение отдельных феодальных магнатов (Добромира Хриза) — симптом наступающей феодальной раздробленности, и собор 1211 г., явившийся ответом на выступление народных масс, учащавшиеся в обстановке дальнейшего развития феодальных отношений. Успех, выпавший в этих условиях на долю Ивана II Асеня, правильно объясняется тем, что он активно стремился приспособить к государственным потребностям администрацию, созданную ранее, в том числе и административный аппарат греческих государств (стр. 181).

Несомненный интерес представляет глава VI, посвященная рассмотрению форм болгарского феодализма. Здесь авторы стремятся дать общую характеристику особенностей развития Болгарии в средние века, а затем, поставив этот вопрос в связь с состоянием производительных сил, обрисовать феодальное поместье, выснить различные категории феодально-зависимого крестьянства, формы ренты и уровень развития ремесла.

В главе сделаны четкие выводы о развитии доменального хозяйства феодала (стр. 186), удачно сформулировано положение о постепенном росте феодальной зависимости (стр. 187—188) баштинников и париков, прослежены тенденции развития их поземельных прав, закономерно поставлен вопрос о расслоении в среде крестьянства (стр. 188), наконец, серьезное внимание уделено проблеме развития вотчинного и городского ремесла. Рассматривая этот вопрос, авторы останавливаются и на проблеме рынков и товарного производства (стр. 190—191). В XIII—XIV вв. значительную роль в экономическом развитии Болгарии играл внешний рынок. Изучение этой проблемы, проведенное в главе IV на большом конкретном материале (договоры с Дубровником, анализ статей ввоза и вывоза, характеристика торговых путей в Италию, Адриатику и Центральную Европу), позволяет авторам наметить важные выводы об отрицательном влиянии внешней торговли на формирование внутреннего рынка, о значении вывоза вотчинного хлеба как фактора, содействовавшего усилению феодальной эксплуатации.

Изложение истории восстания Ивайла (1277—1280 гг.) — одно из лучших мест в рассматриваемом разделе (стр. 204—211). Авторы связывают это восстание с общим усилением феодальной эксплуатации во второй половине XIII в., с ростом феодальной раздробленности страны и опусто-

¹ См., например, М. В. Левченко. История Византии. М., 1940, а также „История Болгарии“, т. I, М., 1954.

шением ее татарами. Следовало бы, на наш взгляд, уделить внимание и связи между татарскими набегами и антиболгарской политикой Византии. Характеристика самого хода восстания тщательно иллюстрирована данными из Пахимера. Подробному анализу подвергнуты взаимоотношения борющихся сил (восставшие, византийцы, татары), указаны царистские настроения восставших, отмечено деморализующее влияние на них сближения вождя восставших с феодальными кругами во главе с царицей Марией. Наконец, авторы по достоинству оценили влияние восстания 1277—1280 гг. на развитие классового сознания народных масс: в главе приводятся яркие свидетельства того, какое глубокое уважение к самому имени Ивайла сохранилось среди трудящихся почти через 20 лет после подавления возглавленного им восстания.

Выводы предыдущих исследований болгарских историков отразились на освещении движения под руководством Момчила¹. Авторы отмечают и положительные стороны деятельности Момчила, несмотря на его принадлежность к господствующему классу и преследовавшиеся им личные цели. Момчил оставил по себе память как борец против турецких завоевателей (стр. 219).

Материал последней (VIII) главы этого раздела сконцентрирован вокруг основной, наиболее важной проблемы, возникающей при изучении истории Болгарии в XIV в., именно, — вопроса об изменениях в экономике и социальной структуре, приведших Болгарию к тому политическому ослаблению, в котором она оказалась перед лицом турецких завоевателей. Авторы отмечают и вмешательство византийцев (открытое и замаскированное) в государственную жизнь Болгарии (стр. 212), и ожесточенные усобицы самих болгарских феодалов, но главной причиной, обусловившей в конечном счете невозможность для Болгарии оказать решающее сопротивление туркам, они считают рост феодальной раздробленности (стр. 240—241).

Авторы делают в главе VIII ряд других интересных выводов. Так, они высказывают справедливое мнение о том, что кратковременный подъем внутренней болгарской торговли, обусловленный мирной передышкой в царствование Федора Святослава, не привел и не мог привести даже к временному объединению страны (стр. 216). Верно отмечен подъем болгарской внешней торговли, главное значение в которой имел вывоз продуктов феодальной вотчины Болгарии. В главе показаны различные формы классовой борьбы в XIV в., выражавшейся и в уходе крестьян к „разбойникам“, и в бегстве, и в различных социальных движениях; выступавших в религиозной оболочке. Авторы правильно трактуют исихазм как глубоко реакционное течение, отвлекавшее массы от активной борьбы (стр. 225—226). Можно не соглашаться с точкой зрения авторов относительно того, насколько богомилство приобретает теперь характер городского движения (стр. 223), но нельзя отрицать подъема в это время богомилского движения вообще, связанного с резким обострением социальных противоречий в стране.

Специальный подраздел главы VIII освещает культурную жизнь болгарского общества в XIII—XIV вв. Авторы справедливо усматривают наличие двух культур в Болгарии в это время — официальной и народной; они характеризуют такой памятник духовного творчества народа, как апокрифы, в которых нашли отражение трудовая деятельность и быт народных масс. Остается, однако, неясным, почему создание апокрифов.

¹ Д. Ангелов. Антифеодальное движение в Тракия и Македония през средата на XIV век, ИП. София, № 4—5, 1951—1952, стр. 439—456.

произведений по существу еретических и бунтарских, происходило, по мнению авторов, вопреки, а не в результате ухудшения положения народных масс (стр. 229). Но в целом нарисованную в главе картину культурного расцвета Болгарии, в период которого были созданы фрески Боянской церкви, прекрасные образцы храмового и крепостного зодчества, произведена реформа письменности (при Феодосии Тырновском), получило развитие целое литературное направление, — следует признать правильной и удачной.

Сделанный выше обзор положительных сторон третьего раздела книги дает основание судить о несомненных успехах, которых достиг авторский коллектив.

Но в этом разделе работы есть, на наш взгляд, некоторые недостатки, заслуживающие того, чтобы на них остановиться.

Не может удовлетворить характеристика экономического развития и классовой структуры болгарского общества во второй половине X в. Здесь, во-первых, с особой остротой ощущается недостаток авторской аргументации: ведь свидетельств источников по этому периоду так мало, что их следовало бы непременно привести все, если автор раздела хотел придать убедительность своим выводам. Ссылки на пресвитера Козьму и хрисовулы 1020 г. далеко не в полной мере исправляют этот недостаток, а метод цитирования источников, о детях „гладом измирающе“, которые авторы без оговорок включили в текст учебника, вызывают известные возражения. Ничем нельзя оправдать, во-вторых, отсутствие характеристики города, тем более, что X век — это период возникновения городов: сами авторы указывают на отделение ремесла от сельского хозяйства в рассматриваемый период. Следует упомянуть в этой связи, что вряд ли можно вторую половину X в. считать временем почти полного отсутствия денежного обращения. Против этого говорят находки монет византийской чеканки, в изобилии обнаруженных в сокровищнице болгарских царей после захвата в 1018 г. Охриды византийцами. Наконец, читатель так и не может установить, какая степень зависимости крестьянства существовала в Болгарии в это время и какая форма ренты была преобладающей.

Трудно принять в безоговорочной форме тезис о том, что богомилов и правителей западно-болгарского царства сблизил борьба против правительства царя Петра. Ведь участники этой борьбы преследовали принципиально различные цели: народные массы боролись против феодального угнетения со стороны боярства и государственной власти, устремления же „комитопулов“ были чисто сепаратистскими, и их новое государство сразу же возникло, как верно отмечают авторы (стр. 146), на чисто феодальных началах. Если бы авторы поставили вопрос о причинах, заставивших западно-болгарское боярство сплотиться вокруг Шишмановичей, то они должны были бы прийти к выводу, что главной из этих причин была нужда в сильной государственной власти. На западе страны было особенно много свободных крестьян, а правительство царя Петра было явно неспособно справиться с задачей их закрепощения.

Нельзя, конечно, отрицать появления новых и существенных черт в богомильстве XI—XII вв., патриотической окраски — в частности, но было бы неверно придавать этому тезису абсолютный характер, как это делают авторы, говорить о превращении богомильства в патриотическое движение (стр. 154). Кроме того, как уже отмечалось в нашей литературе¹, апокрифы еще не дают основания для того, чтобы приписывать

¹ Э. В. Удадьцова. Предисловие к русскому переводу книги Д. Ангелова „Богомильство в Болгарии“. М., 1954, стр. 18.

богомилам XI в. безоговорочную идеализацию царской власти и феодального болгарского государства.

Когда авторы касаются развития процесса феодализации в период византийского господства, они преувеличивают значение пожалований земель в пронию: эти пожалования изображаются не как акт оформления создающихся социальных отношений, а в качестве самой причины появления последних (стр. 158). В то же время, рисуя картину складывания феодальной зависимости, авторы упускают из виду нарушение устойчивости крестьянского хозяйства в результате вражеских набегов: это обстоятельство нередко ставило крестьянина перед необходимостью продать, подарить или отдать свою землю феодалу на прекарных условиях.

В главе о восстании 1185—1187 гг. следовало бы сказать о том, что успех восстания был облегчен деморализацией правящих кругов Византии (после событий 1183—1185 гг.).

Описание успехов болгарского государства в первые десятилетия по его восстановлению занимает немалое место в третьем разделе книги, однако фактический материал здесь явно оттесняет на задний план авторские обобщения. В главе V подробно освещена политика Калояна, но ее успех объясняется лишь победоносными войнами царя-полководца, сочетающимися с его личной энергией.

Нам кажется, что объяснение этих, равно как и последующих событий, следует искать глубже — в отношении отдельных социальных групп к новому государству, и этот вопрос должен быть поставлен в связь с проблемой периодизации болгарской истории.

Асени вовсе не заслуживают имени „освободителей народа от византийского ига“ (стр. 180). Сами авторы учебника правильно считают поддержку, оказанную братьям Асеням народными массами, важнейшим обстоятельством в истории Болгарии конца XII в., сыгравшим решающую роль не только в успехе восстания, но и в последующих событиях. Нам кажется, что этот факт следует особенно подчеркнуть. Внешнеполитическое положение Болгарии в начале XIII в. было не таким, чтобы новая династия могла пренебречь этой поддержкой. По всей видимости, содействие, оказанное Калояну еретиками (*heretics*, как их называет Виллардуэн) при взятии Пловдива в 1206 г., и было выражением того, что первые Асени опирались на значительно более широкую социальную базу, чем государи Первого царства. Известные признаки этой внутривнутриполитической ориентации заметны и в деятельности Ивана II Асеня, которого папа открыто обвинял в потворстве еретикам (о чем авторы учебника, кстати, совершенно не упоминают).

Таким образом, почти в течение всей первой половины XIII в. политическое руководство страной осуществлялось той частью феодалов, которая выступала за более или менее прочный союз не только с феодалами средней руки¹, но и отчасти — с известными слоями мелких землевладельцев (вотчинников средней руки, баштинников).

Этот период, период политической централизации, должен был характеризоваться установлением экономических связей, ведущих к образованию внутреннего рынка.

В отличие от этой тенденции, среди господствующих верхов существовала и другая, выражавшаяся в стремлении к политической децентрализации, в ориентации, главным образом, на внешний рынок, наконец, в энергичном закреплении крестьянства и подавлении его протеста. Интересы этого слоя боярства выразил царь Борил, ответивший на

¹ История Болгарии, т. I, М., 1954, стр. 140.

подъем политической активности масс своим собором и „Синодиком“ против богомилов. Царствование Борила было лишь началом усиления этой тенденции в развитии болгарского феодализма. Ее полное торжество падает на вторую половину XIII и весь XIV вв., когда наиболее характерными чертами социального и государственного развития Болгарии становятся господство крупной вотчины, вывозящей хлеб, рост феодальной эксплуатации и политический распад государства.

Таким образом, представляется возможным выделить в истории Болгарии XI—XIV вв. два периода: период борьбы за освобождение и укрепление нового болгарского государства (начало XI—середина XIII в.) и период развитого феодализма и феодальной раздробленности (середина XIII—конец XIV в.).

Нам кажется, что с этой точки зрения можно найти объяснение целому ряду явлений и, в частности, понять, что обострение социальных противоречий, которое справедливо отмечают авторы, явилось результатом протеста части крестьянства, обманувшегося в своих надеждах на освобождение. Возможно, это были зависимые земледельцы, рассчитывавшие в ходе освободительной борьбы сбросить „иго парикии“.

Следует отметить, что в соответствующих главах раздела ничего не говорится о наличии или отсутствии элементов буржуазного развития Болгарии, которые могли бы сыграть решающую роль в экономическом объединении страны и ее политической централизации. А ведь авторы близко подходят к этой мысли, раскрывая отрицательное влияние преобладающего развития внешнеторговых связей вотчины на создание внутреннего рынка.

Трудно согласиться с той характеристикой, которую дают авторы некоторым феодальным институтам. Право внеэкономического принуждения появляется у феодала, конечно, не в XIII в., ибо в этом случае непонятно, каким образом без его помощи феодалы могли, по утверждению авторов, присваивать себе отработочную ренту уже в период Первого царства. Неверен и тезис о появлении натуральной ренты в XIII—XIV вв.: как известно, Скилица свидетельствует о существовании натуральных взносов еще для начала XI в.¹ Вызывают серьезные сомнения положения авторов о том, что отработочная рента наименее всего была развита в XIII—XIV вв.: если держаться этого взгляда, то трудно объяснить рост доменального хозяйства феодалов² и производство феодальной вотчиной хлеба на вывоз³.

Неверно, что у крестьян („задавленных повинностями“) не было возможности совершенствовать орудия труда (стр. 185). Этот процесс происходил медленно и незаметно, но без него невозможно себе представить развитие производительных сил. Остается пожалеть, что авторы обошли весьма интересный вопрос о том, почему до нас дошли болгарские иммунитетные грамоты лишь от XIII—XIV вв. Не следует ли предположить, что процесс формирования иммунитета фактически происходил уже с X в., и лишь в XIII в. царская канцелярия начала его оформлять?

Недостаточно четко выяснен вопрос о закреплении баштинников (стр. 187). Отроки, скорее всего, не разорившиеся крестьяне, а потомки посаженных на землю рабов (стр. 188).

Читая параграф о городе эпохи Второго Болгарского царства, хотелось бы найти здесь сравнение с городами предшествующей эпохи,

¹ Cedrenus, II, p. 530. 15—18.

² А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 67, 127.

³ История Болгарии, т. I, стр. 125, 130.

ибо город как центр ремесла и торговли возникает в Болгарии уже в X—XI вв.; для характеристики же городов XIII—XIV вв. авторы находят нужным заметить, что во многих мелких городах ремесло еще не отделилось полностью от сельского хозяйства (стр. 190). Жаль, что авторы не дают полной характеристики развития ремесла. Следовало бы непременно использовать в этой связи приводимые самими же авторами данные о развитии строительной техники и, в частности, о производстве кирпича и изразцов (стр. 230—231).

Причинами, ослабившими Болгарию в XIV в., авторы считают раздробленность страны и отсутствие единства в балканских государствах. Спорить с этим не приходится, но едва ли не прежде всего здесь следовало бы вновь вернуться к вопросу о крестьянстве, отметить, что, во-первых, силы крестьянства — основы народного ополчения, были серьезно подорваны ростом феодальной эксплуатации, а, во-вторых, феодалы боялись в решающий час опереться на народные массы. Наконец, отметим недочет, присущий как второму, так и третьему разделам книги, — в ряде мест материал излишне растянут за счет обилия данных о государственной или военной деятельности царей (стр. 70—72, 74—77, 102—104, 215—217).

Таким образом, подводя итоги, следует сказать, что в рецензируемой работе отразились определенные трудности, с которыми встречаются болгарские историки, создавая подлинно марксистскую историю своей родины. Недостатком, общим для всей разобранной части книги, является отсутствие критики буржуазной историографии. Следует также пожалеть, что авторы отказались от характеристики состояния историографии по всем основным вопросам, затронутым в книге.

В ряде случаев необходима более основательная аргументация выводов материала источников. Зачастую изложение исторических фактов в книге преобладает над обобщениями; при этом оно подчас представляет собой нечто вроде истории царей и полководцев. В книге неправомерно смещаются во времени некоторые категории феодальных производственных отношений: феодализм оказывается созревающим уже в XII в., а развитие феодального города относится лишь к XIII—XIV вв. Вопросу об отработочной и продуктовой ренте уделено значительно меньше внимания, чем он, судя по источникам, того заслуживает.

Карты, приложенные к книге, красочны, отличаются подробностью сведений и удобным масштабом. Авторы поступили правильно, выделив на карте, посвященной событиям VI—VII вв., главное направление славянских вторжений — район Константинополя и прилегающих частей Фракии и Македонии. В многоцветном плане и очень подробно выполнена карта территориального расширения болгарского государства с VI по XI в. Отлично иллюстрируют материал книги и карты, характеризующие положение Болгарии под византийским господством и в период феодального распада страны в XIII—XIV вв. Дополнительно к имеющимся была бы полезная карта, рисующая экономическое положение Болгарии в конце XII—начале XIII вв., т. е. времени, от которого дошло наибольшее количество свидетельств.

Недочеты, свойственные рецензируемой книге, объясняются еще недостаточной разработанностью отдельных вопросов средневековой истории Болгарии. Значение этой работы определяется ее несомненными достоинствами. Авторский коллектив добился значительного успеха, реализовав свое стремление представить историю Болгарии в изучаемый период прежде всего как историю определенной социально-экономической формации. Положив в основу своей работы высказывания классиков марксизма,

авторы проявили исключительное внимание к характеристике развития болгарского феодализма, раскрытию вопросов формирования феодальной собственности, отношений феодальной зависимости, внеэкономического принуждения, феодальной ренты и ряда других проблем. Большой заслугой авторов является и то, что значительное место в работе они уделили вопросам истории классовой борьбы и народных движений.

Все это позволяет прийти к выводу, что болгарские медиевисты сделали крупный шаг вперед в изучении истории болгарского народа.

М. М. Фрейденберг

G. OSTROGORSKIJ. POUR L'HISTOIRE DE LA FÉODALITÉ BYZANTINE

Bruxelles, 1954, XVI + 388 p.

В последние годы за рубежом появился ряд книг и статей, освещающих историю социально-экономических отношений Византийской империи; это — исследование болгарского историка-марксиста Д. Ангелова, посвященное аграрным отношениям в Византии XIII в.¹, посмертно изданная книга французской византистки Ж. Руйяр², несколько статей П. Хараниса³, статья К. М. Сеттона, поставившего своей задачей дать характеристику основных черт аграрного развития Византии⁴, и некоторые другие. Одной из наиболее интересных работ, затрагивающих важные проблемы социально-экономической истории Византии, является и рецензируемая книга видного югославского историка Георга Острогорского „К истории византийского феодализма“. Она составлена из двух больших работ Г. Острогорского, опубликованных впервые в 1948—1951 гг. (одна на русском, другая на сербском языке)⁵, которые были заново отредактированы автором и снабжены ссылками и критическими замечаниями по поводу новой литературы; перевод этих трудов на французский язык был выполнен под редакцией А. Грегуара и П. Лемерля⁶.

Г. Острогорский — один из крупнейших современных византинистов, автор многочисленных общих работ и специальных исследований, давно уже занимающийся аграрной историей Византии⁷. Рецензируемая книга

¹ Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII век. „Годишник на философско-историческия факултет“, кн. II. София, 1952.

² G. Rouillard. La vie rurale dans l'empire byzantin. Paris, 1953.

³ P. Charanis. The Aristocracy of Byzantium in the XIIIth Century. „Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson“. Princeton, 1951; P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and Later. „Byzantinoslavica“, 12, 1951; P. Charanis. Economic Factors in the Decline of the Byzantine Empire. „Journal of Economic History“, 13, 1953, № 4.

⁴ K. M. Setton. On the Importance of Land Tenure and Agrarian Taxation in the Byzantine Empire from the IVth Century to the IVth Crusade. „American Journal of Philology“, 74, 1953.

⁵ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. „Byzantinoslavica“, 9, 1948; его же. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. Београд, 1951.

⁶ К сожалению, редакторы снабдили книгу Г. Острогорского излишними и не всегда убедительными примечаниями полемического характера, затрагивающими частные вопросы.

⁷ См. его статьи: „Византийский податной устав“. „Сборник в честь Н. П. Кондакова“. Прага, 1926; „Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert“. „Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte“, 20, 1927;